

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

И.В. Егорова

ЗА ЧТО МЫ СТРАДАЕМ?

Аннотация. В статье автор говорит об утрате в современном обществе нравственных и религиозных ценностей, о влиянии христианства на нравственную природу человека. Объясняет смысл человеческих страданий с религиозной точки зрения. Рассматривает вопросы взаимоотношения Церкви и государства.

Ключевые слова: педагогика, религия, страдание, христианство, православие, грех, справедливость, любовь, государство, церковь.

Последнее время в СМИ мы часто встречаем критические замечания в адрес Православной церкви и священнослужителей. Не станем сейчас говорить, оправданы они или нет. Интереснее другое. Отрицая православные нормы, размывая границы дозволенного, критики ставят под сомнение значение самой христианской религии. Отношение к Богу становится на удивление потребительским и даже панибратским.

Не так давно, я прочла в «Литературной газете» статью Ольги Богуславской «Любовь или Великая Пустота?», в которой автор пытается развенчать христианскую веру ссылками на неоправданные людские страдания и несовершенство нашего мира. В последнее время такие статьи встречаются очень часто. Аргументы их авторов поражают своим невежеством и наивностью. На удивление они напоминают атеистическую критику религии времён советской власти. То тут, то там, проскальзывают аргументы, подобные следующему: «А вот Гагарин в космос летал, а Бога там не встретил». Претензии по поводу несправедливости мира и человеческих страданий — из той же серии.

Правда, критика в советской эпохе оправдывает тогдашнее полное отсутствие религиозной литературы и невозможность получить ответы на интересующие их вопросы. Но в наше время, когда в любом книжном магазине, в любой церковной лавочке, не говоря уже об интернете, находится море информации по религиозной тематике, возникает вопрос: неужели трудно с ней ознакомиться?

Может быть мешает самомнение? Привычка думать о себе в превосходной степени? Неужели автор упомянутой статьи действительно думает, что вопрос о смысле страданий до него никому раньше

не приходил в голову? Уже более двух тысяч лет люди ищут ответы на эти вопросы.

Если мы хотим разобраться в вопросах физики, мы открываем соответствующую литературу, если хотим понять исторические законы, читаем книги по истории. Что мешает подобным образом отнестись к вопросам религии? Откройте духовную литературу, сочинения святых Отцов, известных богословов — там всё об этом написано.

Как понимать страдания, если Бог есть любовь? За что Господь наказывает нас? «Бог есть любовь и только любовь», — говорит Антоний Великий. И как же тогда понять Его отношение к миру?

Христианство — это религия, которая происходит не от нашего ума, а носит божественный характер. Бог — судья, Бог справедлив — это понятно, но что означает Бог есть любовь? И даже больше. Бог есть величайшее и абсолютное смирение. Как это возможно? Ответ на эти вопросы даёт нам сам Христос, его добровольная жертва. «Мы веруем в распятого Бога, иудеям — соблазн, эллинам — безумие», — говорит апостол Павел¹. Вдумаемся в эти слова, и если все христианские аргументы ничего не значат для нас, не демонстрируем ли мы тем самым языческое сознание?

Ни в одной религии мира нет ничего подобного. И вот здесь мы должны прислушаться к святым Отцам. Иоанн Златоуст пишет: «Да, Бог есть любовь, но не все мы можем принять эту любовь. Мы можем открыть ей своё сердце, а можем закрыть его собственными грехами»². Хотим мы этого или нет, но страдания неизбежны в нашей жизни. Ещё ни один человек не избежал их. Страдания, болезни и смерть

¹ Новый Завет. Послания апостолов. 1-е к коринфянам.

² Добротолюбие. Паломник. Т. 3. М., 1998. С. 201.

вошли в мир с грехопадением Адама. Изменилась человеческая природа, а вместе с ней изменился и весь мир. Но к страданиям можно относиться по-разному. Мы должны помнить, что Бог не наказывает нас, не посылает нам кару. Он, как врач, исцеляет нас. Разве врач наказывает больного, давая ему горькое лекарство или делая операцию? А лекарства приходится принимать разные, по нашим нравственным болезням. Кроме того, Бог никогда и никому не посылает испытаний выше его сил. Он наш Отец и лучше нас знает, что могут понести Его дети, а что нет. А за приходом скорбей всегда следует утешение. Если у человека где-то отнимается, значит в другом месте неизменно прибывает.

В нашей жизни ничего просто так не случается, и каждое событие имеет значение. Никто не сомневается в действенности законов физического мира (закона всемирного тяготения, закона сохранения энергии и т.д.), но в духовном мире тоже есть свои законы, только их действие отсрочено во времени. Яблоко, упавшее с дерева, падает на землю мгновенно, а последствия наших прегрешений приходят к нам не сразу. Если мы лжём, убиваем, завидуем и клеветаем, то тем самым мы наносим себе духовные раны, и эти ранения имеют духовные последствия. Больной человек может не знать о том, что он болен или не знает, как лечить свою болезнь, знает только врач, только он может исцелить нас от грехов. Поэтому мы страдаем в очищении наших прегрешений, чтобы не страдать в жизни вечной, потому что скорби посылаются нам, как лекарства, чтобы оградить нас от греха и других духовных опасностей.

Ещё один смысл страданий — в очистительном действии, которое они производят на нашу душу. Страдания, если мы правильно к ним относимся, делают нас лучше, чище и добрее. Они заставляют нас по-новому взглянуть на себя, сострадать своим ближним. Не стоит спрашивать *за что мне это?* Лучше спросить *для чего* мне посылаются испытания? Любой священник может рассказать, сколько людей пришли к Богу и Церкви, пройдя через страдания и скорби, пережив смерть близких, тяжкие болезни и прочее. Страдания заставляют нас задуматься о самом главном: о смысле жизни, спасении души, сочувствии чужому горю. Когда в Англии произошла большая авария, крушение автобуса с детьми, и многие погибли, христианского писателя К. Льюиса спросили, как Бог мог это допустить? И он ответил, что страдания — это резец, с помощью которого Творец, как скульптор, высекает из человека прекрасную статую, отбрасывая всё лишнее, наносное.

Что такое любая катастрофа? Это время огромного горя, но в то же время, возможность проявить свои самые лучшие человеческие качества. Вспомним, как сплотился наш народ во время Великой Отечественной войны, какие чудеса стойкости, благородства и любви к ближнему он проявил тогда! Многие люди уверовали в Бога именно перед лицом смерти и тяжёлых испытаний.

А теперь, давайте представим себе, что никакого Бога нет. Наша жизнь подчинена безликим законам природы. Что тогда? Тогда *всё не имеет смысла*. Мы всего лишь биологический вид, не слишком удачный, с точки зрения природы. Для чего мы живём, страдаем, любим, достигаем чего-то в жизни? Чтобы в конце концов превратиться в материал для удобрений? Если это так, то и страдания наши лишены всякого смысла. И вот тогда их действительно невозможно перенести.

Создатель логотерапии В. Франкл писал: «Один из основных принципов логотерапии в том и состоит, что человек стремится прежде всего не к получению удовольствия и избежанию боли, а к выявлению смысла своего непосредственно переживаемого существования. Вот почему человек даже готов страдать при условии, что его страдания имеют смысл»³. И далее, он вспоминает собственный опыт жизни в концлагере: «Помню, немного позже мне казалось, что я вот-вот умру. Однако моё отношение к этой критической ситуации сильно отличалось от отношения к ней большинства моих товарищей. Они задавались вопросом: «Выживем ли мы? Ведь если нет, все эти страдания лишены смысла» меня осаждал другой вопрос: «Имеют ли смысл все эти страдания, эта смерть вокруг нас? Ведь если нет, то выживание, в конечном счёте, не имеет смысла, ибо жизнь, смысл который сводится к выживанию, не стоит того, чтобы жить»⁴.

Таким образом, в мироздании нет бессмыслицы, а смысл нашей земной жизни виден только в том случае, если смерть тела не является концом существования человека. Об этом и о смысле страданий писал в своё время и князь Е. Трубецкой в своей книге «Смысл жизни»: «Цивилизация не выводит человека, а часто служит озверению духа. Подъёма нет. Биологизм переходит в сатанизм. Зло одухотворяется и становится нормой жизни... страдания в нашей короткой земной жизни очищают душу и помогают её подъёму в бестелесной вечной жизни. Иисус Христос тоже говорил о необходи-

³ Франкл В. Доктор и душа. СПб: Ювента. 1997. С. 252.

⁴ Там же. С. 270.

мости и благодетельности страданий: «Блаженны плачущие, е тем утешаться». Это подтверждает ап. Павел, сказавший, что если Бог хочет почтить человека наиболее полно, Он приготовляет его к мученичеству крови»⁵.

Святые Отцы говорят нам о том, что страдания необходимы потому, что без них вышедшая из тела душа грешного человека не смогла бы вынести света Небесного царства. Душа переходит в загробный мир, всё ещё неся на себе тяжесть грехов, и многие души должны будут претерпеть страдания после смерти. В этом смысл католического учения о чистилище и православного о мытарствах души. Предсмертная болезнь, телесные и душевные страдания потому и нужны, что помогают душе очиститься ещё в этом мире. Именно поэтому, глубоко верующие люди не желают себе быстрой и внезапной смерти, они не хотят лишиться того личностного роста, который приносит с собой болезнь.

Итак, Бог посылает нам страдания, как лекарство. Он врач, врачующий наши души; а причиной того, что с нами происходит являемся мы сами, наше отношение к себе, к жизни, и Бог пытается создать нам наилучшие условия, чтобы мы задумались о себе. Верующий человек говорит себе: «Для чего Бог послал мне эти испытания? Значит Он хочет обратить на что-то моё внимание, значит Он помнит обо мне и хочет моего исправления». Для верующего человека признаком того, что Бог позабыл о нём, является излишне благополучная жизнь, лишённая страданий и испытаний. Именно поэтому, раньше на Руси, богатые и известные люди столь охотно занимались благотворительностью, а некоторые перед смертью отказывались от земных благ и принимали иноческий сан. Они понимали, что за те блага, которыми они владели при жизни с них спросится строже, чем с бедного человека, чья жизнь была лишена этих удовольствий.

Благополучная жизнь, богатство, слава и удовольствие делают приятным наше земное существование, но сильно затрудняют дорогу к Богу и существование души после смерти. «Причиной всех без является возношение наше», — говорил Марк Подвижник⁶.

Теперь давайте перейдём к основному вопросу, волнующего каждого, кто вообще задумывается о смысле страданий. Речь идёт о *страдании невинных, безгрешных*. Чем объяснить страдание детей?

Сколько их убивают, сколько умирает от голода и болезней даже в наше время! Христианство, иудаизм и ислам говорят нам о трёх категориях греха: личном, родовом и первородном. Первородным грехом поражена вся человеческая природа со времени грехопадения Адама. Родовой грех — это духовная болезнь, которую мы передаём из рода в род, прегрешения наших предков, которыми болеют потомки. А личный грех — это наша собственная греховная жизнь, ярко выраженные страсти, поражающие нашу душу. Маленькие дети, особенно младенцы не имеют личных грехов, но они всё же могут быть поражены родовыми грехами, не говоря уже о том, что сама человеческая природа уже искажена грехом первородным.

Как бы негуманно это не звучало, но дети часто расплачиваются за грехи своих родителей. Никто не знает точно, как работают эти духовные законы, но они есть, и мы можем видеть их действие в нашей жизни. Страдания невинных детей посылаются и как исцеляющее средство для исправления родителей.

Есть и другой очень важный момент. Человечество является единым духовным телом. Это не горшок в одном мешке, это единый организм со множеством отдельных клеток, и когда поражается какая-то одна клеточка, болезнь распространяется на всё тело. Человек может поцарапать палец и умереть от заражения крови, и вряд ли кто в этом случае будет сетовать на несправедливость и жестокость природы. Так же и все люди связаны друг с другом делами и помыслами. Если молитва одного праведника может спасти целый народ, то и деяния нескольких грешников могут погубить целый род.

Дети, будучи лично невинными, страдают за своих родителей, так как они связаны с ними *законом любви*. Мать терпит муки, рожая ребёнка, она готова пожертвовать своей жизнью ради него, и также и ребёнок страдает за своих родителей. Можно задаться вопросом: а где же тут справедливость? Ведь детей никто не спрашивает, хотят ли они страдать? Но и мать, в момент родов, не спрашивают, хочет ли она испытывать муки.

Конечно, по закону *правды и справедливости* — это несправедливо. Но, если бы Бог был справедлив и действовал исключительно по правде, как Судья, нас уже никого не было бы на Земле. Но бог есть Любовь, и мы страдаем за своих близких по *закону любви*, основному закону нашей духовной жизни. Надо отметить, что страдания посылаются не всем детям, а только тем, кто способен без духовного вреда для себя их перенести, именно поэтому они

⁵ Трубецкой Е. Смысл жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 153.

⁶ Добротолюбие. Паломник. Т. 4. М., 1998. С. 482.

получают спасение в жизни вечной. Страдания детей облегчают посмертную участь родителей и оказывают благотворное влияние на них ещё при жизни.

Вспоминаю историю, которую рассказал мне один знакомый верующий человек. Как-то он побывал со своим другом в Вене. Они гуляли по чистым улицам, наблюдая жизнь сытых и благополучных детей, и его друг воскликнул: «Какие счастливые люди! Почему у нас, в России, люди так не живут? Почему мы так озлоблены, унижены и не имеем такого покоя?». И тогда мой знакомый подумал: «А ведь этим счастливым и довольным жизнью людям не нужен Бог. Они мыслят своё земное благополучие, как вечное состояние. Какой самообман! Ведь на фоне такой жизни страдания и смерть воспринимаются особенно болезненно. Легко пережить потерю ста рублей, но потерять миллион — какое несчастье!»

Современная западная цивилизация позабыла о Боге в своём материальном благополучии. Католические и протестантские храмы уже не собирают такого количества верующих, как прежде, а иногда даже закрываются или переделываются в мечети. Духовная гибель западного мира не видна уже только слепому. Может быть, нашу страну смогут спасти те испытания, которые мы пережили на протяжении нашей истории и продолжаем переживать и сейчас. Мы очень неблагополучны, мы погрязли в грехе, мы больны, и именно от того, что нам плохо, нам и нужен Врач, который «пропишет» нам горькое лекарство, а может быть даже «сделает» ещё одну болезненную операцию, и тем самым не накажет, а помилует нас.

Хочется особо отметить, что всё вышесказанное, имеет значение лишь для тех людей, которые искренне хотели бы именно в религии найти ответы на волнующие их вопросы. Люди, живущие в другой системе ценностей, воспримут все мои мысли в лучшем случае с недоумением, а в худшем — с негодованием.

Человечество стремительно меняется. На примере того, что происходит в нашей стране, мы видим, как вместе с социалистическим прошлым отбрасываются прочь культурные нормы, общепринятые стандарты, и как удивительным образом при этом размываются границы добра и зла.

Культура не может существовать без ограничений, она зарождается тогда, когда в обществе возникают табу. Нарушения табу — признак варварства, а не поиски новых форм существования. Нередко можно услышать, что наш мир уже совсем не тот, что был раньше, и мы не можем следовать

прежним законам. Мы должны приспособливаться к стремительно меняющейся реальности, а значит, глупо современному человеку цепляться за старые традиции, нравственные представления и моральные нормы.

Что особенно мешает нам на этом пути? Конечно же религия и её социальный институт — церковь. С поразительным упорством она продолжает сопротивляться переменам, которые происходят в мире, отстаивая традиционные ценности. Во многих европейских странах уже узаконены гомосексуальные браки, уравниены права гомосексуалистов и лесбиянок, усыновивших детей, с правами родителей традиционной ориентации. Из документов о рождении исчезают слова «отец» и «мать», они вообще больше не употребляются, а вместо них пишут «родитель №1» и «родитель №2». То, что ещё недавно казалось сущим бредом, становится нормой жизни.

Постепенно мы превращаемся в роботов, послушно осваивающих программы, которые в нас вживили, как некие электронные микрочипы. Мы погружаемся в условную реальность, где исчезают не только привычные нормы и ценности, но даже и человеческие отношения.

Интересно, что ещё в середине прошлого века некоторые мыслители предсказывали подобное развитие событий. Так Эрих Фромм в книге «Искусство любить» писал: «Люди-автоматы не умеют любить друг друга: не умеют они любить и Бога. Распад любви к Богу достиг той же степени, что и распад любви к человеку»⁷.

Фромм говорит, что современный человек, не желая быть укоренённым в традиционной вере, как его предки, стремительно возвращается к идолопоклонству. Мы наблюдаем трансформацию любви к Богу в отношении личности, предельно отчуждённой от объекта своей любви. Отказываясь от нравственных и моральных ограничений, мы превращаемся в дикарей. Лишённые принципов и веры, мы чувствуем себя растерянными, испуганными, и у нас нет никакой цели, кроме тех, что навязывает нам общество потребления.

Молодёжь не только деградирует в культурном и нравственном отношении, она ещё и быстро инфантилизируется. Ещё 30 лет назад пятилетний ребёнок имел более чёткие представления о том, «что такое хорошо, и что такое плохо», чем нынешнее поколение двадцатилетних. Будучи физически взрослыми, они всё ещё остаются детьми в нрав-

⁷ Фромм Э. Искусство любить. СПб: Азбука классика, 2008. С. 177.

ственном отношении. Инфантильность современного человека сказывается и на его отношении к религии и Богу. Если раньше люди воспринимали Бога всерьёз, то есть старались жить по его заветам, видели «спасение души» основной задачей своего земного существования, которой подчинялись все другие виды их деятельности, то теперь эти представления исчезают на глазах.

«Повседневная жизнь чётко отделена от любых религиозных ценностей. Она посвящена погоне за материальным комфортом и за успехом на рынке личностей. Наши светские усилия покоятся на принципах безразличия и эгоизма (причём последней часто называется «индивидуализмом» или «индивидуальной инициативой»). Людей истинно религиозных можно сравнить с восьмилетними детьми, которые нуждаются в отцовской помощи, но которые уже начинают воплощать его принципы и взгляды в своей жизни. Современный же человек похож на трёхлетнего ребёнка, зовущего отца плачем, когда тот ему нужен, но прекрасно обходящегося без него во время игры»⁸.

К мысли Э. Фромма можно ещё добавить, что мы, как трёхлетние дети обижаемся на отца, если он не даёт нам желаемого, топаем ножкой и кричим: «Папа плохой!». Какой поразительный пример современного восприятия Бога! Такое отношение никак не назовёшь осознанным или рациональным, потому что отказываясь от религиозных принципов и Божьих заветов, мы становимся не свободными и независимыми личностями, а превращаемся в первобытное племя.

«Наша религиозная ситуация обнаруживает новые черты, типичные для современного западного капиталистического общества... Современный человек превратился в товар: он рассматривает свою жизненную энергию, как вклад, с которого должен получить максимальную прибыль с учётом его положения и ситуации на рынке личности. Он отчуждён от самого себя, от себе подобных и от природы. Его главная цель — выгодный обмен мнениями, знаниями, им самим, «его личностным пакетом», с другими людьми, столь же сильно заинтересованными в выгодном и честном обмене. У жизни нет цели, кроме цели двигаться вперёд, нет принципов, кроме принципов честного обмена, нет удовольствий, кроме потребления»⁹.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах понятие Бога утрачивает своё первоначальное ре-

лигиозное значение. Появляется желание сделать его более удобным, современным, приспособить к культуре бесконечного потребления. «Вера в Бога трансформировалась в психологическое средство, делающая человека более приспособленным к соревновательной борьбе. Религия объединяется с самовнушением и психотерапией, чтобы помочь человеку в его деловой активности»¹⁰.

В наше время подобное прагматическое отношение к Богу всё больше преобладает. Причём мы даже не задаёмся вопросом, согласуется ли наше желание быть успешными, получать от жизни как можно больше удовольствий, с духом не только христианства, а любой другой монотеистической религии? Мы не только не подвергаем сомнению наше право жить как нам хочется, но ещё и Бога используем как делового партнёра или сообщника в достижении своих целей. И если наши представления о правильной жизни не соответствуют его заветам, мы скорее будем критиковать эти заветы, чем откажемся от собственных желаний.

Казалось бы чего проще. Живи как хочется, у тебя есть свобода выбора, но не требуй, чтобы Бог и Церковь одобряли твои поступки. Вспоминается, как несколько лет назад пара гомосексуалистов венчалась в православном храме (священник не устоял перед денежным вознаграждением и впоследствии был лишён сана и отстранён от служения) разразилась дискуссия: можно было венчать эту пару или нет? С религиозной точки зрения ответ очевиден. Церковь запрещает однополые браки, а мужеложество является страшным грехом. Но почему эти люди так хотят одобрения своих действий церковью? Почему они, совершив осознанный выбор, желают, чтоб их по-прежнему считали христианами? Не потому ли, что права отдельной личности, её желаний и потребностей являются основной идеологией современного общества? И это общество требует привести в соответствие с этой идеологией всё Священное писание.

Человек в демократическом обществе имеет право выбирать себе сексуальных партнёров, делать аборт, проводить эвтаназию (в некоторых странах с согласия умирающих или их родственников), и даже кончать жизнь самоубийством. От церкви требуется только одно — всё это одобрить. Вот такие честные партнёрские отношения. Кажется, что достаточно поставить свечку в церкви или пожертвовать на храм, и можно получить благословление на всё, что пожелаем. А если нет, то мы можем оби-

⁸ Там же. С. 178.

⁹ Там же. С. 179.

¹⁰ Там же.

дется, разочароваться в отдельных священниках, в самой Церкви и даже утратить веру в Бога. Какое поразительное возрождение язычества! С таким же успехом можно соорудить себе глиняного идола, ставить перед ним блюдечко с молоком, а если он не выполнил условия договора, в гневе разбить его об стенку.

Православная церковь потому так и раздражает современных язычников, что в большинстве своём всё-таки не идёт на подобное партнёрство. Хотя и она не всегда может устоять перед напором общественного мнения, а скорее отдельные её служители не в состоянии удержаться от греха корыстолюбия, когда речь заходит о богатых и знаменитых людях.

К чему эти уступки? Ведь по закону духовной жизни между добром и злом не существует нейтрального пространства. И если мы где-то на шаг отступаем от Бога, то ровно на этот же шаг приближаемся к дьяволу. Заигрывание с грехом до добра не доводит, мы наносим раны своей душе, вредим будущим поколениям и всё больше удаляемся от Истины по дороге, ведущей к смерти.

В упомянутой мною в начале статье Ольги Богуславской обращает на себя внимание животрепещущая на сегодняшний момент тема отношения Церкви и государства. Автор статьи задаётся вопросом: «Что имеется в виду сегодня под симфонией Церкви и власти? Всеволод Чаплин поясняет: «Симфония Церкви и власти — идеал, от которого наша церковь не отказывается», «Почтение Церкви к властителю — это почтение к его особому служению и особой его ответственности, благоговение перед тайной Божьего решения, которым этот человек во власть поставлен». Означает ли это, что мы должны перейти к престолонаследию? Каким образом «благоговение перед тайной Божьего решения» соотносится с выборностью власти?»¹¹

Думаю, что православное отношение к власти никак не соотносится с требованиями либерально-демократической ответственности. И в этом загадочная особенность исторического развития России. У А.К. Толстого есть трилогия («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович» и «Царь Борис»), в которой он пытается разгадать эту загадку. Сакральна ли природа русского самодержавия или это признак косности и отсталости восприятия русского народа? Почему жестокий и свирепый правитель пользуется любовью и уважением своего

народа, а добрый и заботящийся о его благе — нет? Почему, с другой стороны, слабый и неспособный к самостоятельным решениям Фёдор Иоаннович любим и почитаем простыми людьми, а талантливый, решительный и умный Борис Годунов — нет?

Прислушаемся, как сам Годунов (устами А.К. Толстого) оценивает результаты своей государственной деятельности:

*«Семь лет прошло, что над землею русской,
Как божий гнев пронесся царь Иван.
Семь лет с тех пор, кладя за камнем камень,
С трудом великим здание я строю,
Тот светлый храм, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь,
Русь, о которой мысля непрестанно,
Бессонные я ночи провожу.
Напрасно все! Я строю над провалом!
В единый миг все может обратиться
В развалины...»¹²*

Сегодня точно так же мы можем изумляться тому, почему не приживаются на нашей почве все демократические начинания, почему может рассчитывать на народную поддержку лишь тот государственный лидер, который обладает задатками царя? Существует ли сакральность власти в России и какое отношение имеет к этому Православная Церковь?

На эти вопросы мы ищем ответы со времён Ивана Грозного и не находим до сих пор. Не в первый раз пытаемся мы понять, что помогает нам выстоять в самых тяжёлых и удручающих обстоятельствах, и не просто выстоять, а воскресать снова и снова. Учёные и историки не находят этому разумного, рационального объяснения, а могут говорить только об особом духе, поддерживающем наш народ.

Имеет ли церковь к этому отношение? На мой взгляд — самое прямое. «Со времени крещения Руси христианство, православие оказывало огромное влияние на русскую культуру в целом: её архитектуру, письменность, литературу, живопись, философию, традиции, образы, праздники и т.п., то есть на всю нашу культуру, а в особенности, на культуру повседневности. Христианство, православие сплотило наш народ и явилось залогом целостности нашей страны, всех побед и свершений русского народа»¹³.

¹² Толстой А.К. Царь Фёдор Иоаннович // Толстой А.К. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: Правда, 1969. С. 271.

¹³ Георгиева Т.С. Культура России и русское православие. М.: Крафт+, 2012. С. 443.

¹¹ Богуславская О. Любовь или Великая Пустота? // Литературная газета. 2012. № 27 (6375).

Именно поэтому хочется верить в возрождение в нашем обществе духовных ценностей и нравственных идеалов христианства. Не стоит бояться сближения Церкви и государственной власти. Не будет этого сближения, и рухнет духовное основание государства, потому что нашему народу не свойственно жить сиюминутными материальными интересами, он не видит смысла жизни в благополучном, обеспеченном состоянии, а жаждет поиска чего-то за пределами себя, чего-то более высокого, чем он сам.

Православная Церковь сегодня стремится участвовать в общественной и политической жизни страны, стремится сохранить нравственный облик людей. С этой целью в рамках XIX Рождественских Чтений прошедших в Москве в 2011 году, был озвучен проект документа «Вечные ценности — основа российской идентичности». В него в порядке убывания вошли: 1) справедливость; 2) свобода; 3) солидарность; 4) соборность; 5) самоограничение и жертвенность; 6) патриотизм; 7) благо человека; 8) семейные традиции.

С чем тут можно спорить? Отвергая собственную идентичность, мы становимся совсем другим

народом, теряющим связь со своими культурными, религиозными и нравственными корнями; народом, утратившим ценности. Что ждёт такой народ? Ответ очевиден.

Как писал Николай Бердяев, Россию и русский народ «можно охарактеризовать лишь противоречиями: государственная деспотичность и анархическое свободолобие; национализм, национальное самонимение и универсальность духа, всечеловечность; жестокость и болезненная сострадательность; удивительная терпеливость и склонность доходить во всём до крайностей, до пределов возможного, причём в кратчайшие сроки; непредсказуемость поведения и склонность следовать «традициям старины»; общинность, преклонение перед интересами государства, послушание перед властью и стремление к ниспровержению, к бунту»¹⁴.

Хочется верить, что именно эта противоречивость, этот непокорный дух, неистребимый в русском народе поможет нам не смириться с негативными, безнравственными тенденциями современного общества, с обывательским равнодушием и потерей христианских ценностей.

Список литературы:

1. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990.
2. Гуревич П.С. Религиоведение. М.: МПСИ; Воронеж: Модэк, 2007. 696 с.
3. Ильин И.С. Религиозный смысл философии. М., 1992.
4. Спирина Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: Канон+, РООИ реабилитация, 2012. 336 с.
5. Струве Н.А. Православие и культура. М., 1992.
6. Франкл В. Доктор и душа. СПб: Ювента, 1997.
7. Франкл В. Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2004. 176 с.
8. Фромм Э. Искусство любить. СПб: Азбука классика, 2008.
9. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, АСТ Москва, 2009. 768 с.

References (transliteration):

1. Berdyaev N. Smysl istorii. M., 1990.
2. Gurevich P.S. Religiovedenie. M.: MPSI; Voronezh: Modek, 2007. 696 s.
3. Il'in I.S. Religioznyy smysl filosofii. M., 1992.
4. Spirina E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M.: Kanon+, ROOI reabilitatsiya, 2012. 336 s.
5. Struve N.A. Pravoslavie i kul'tura. M., 1992.
6. Frankl V. Doktor i dusha. SPb: Yuventa, 1997.
7. Frankl V. Skazat' zhizni «Da». M.: Smysl, 2004. 176 s.
8. Fromm E. Iskusstvo lyubit'. SPb: Azbuka klassika, 2008.
9. Fromm E. Chelovek dlya samogo sebya. M.: AST, AST Moskva, 2009. 768 s.

¹⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990 С. 86.